

СИЦУНО АРИСАВА

✂

У нас сейчас зима,
И уже не вспомнить,
Какого цвета был
Летний ветер –
Окна замёрзли доверху.

✂

Пушистые облака
Пахнут осенними астрами,
Покуда небо не выцвело,
И облака не осыпались
Крупными снежными лепестками.

✂

Тропинка в чаще,
Лесной колодец,
Вода слегка мутновата –
В ней растворился
Тягучий осенний туман.

✂

Осенние дожди
Лучше хранить
В шкатулке
Вместе с лепестками
Осыпающегося лета.

120

✂

Выплыла луна,
Озарив серебром
Далекую заставу.
Уже той заставы нет,
Но луна светит всё так же.

✂

Звезда вспыхнула и погибла,
Но тысячи тысяч лет
Мы видим её сияние.
Значит, она ещё с нами.
Но мы, наверно, не с ней.

✂

Солнечный свет,
Золотисто-тягучий, как мёд
Медленно стекал с края неба.
Солнце пахнет мёдом –
Цветёт черёмуха.

✂

Небо прозрачно
До хрустального звона.
Солнце рассыпалось
Колючими искрами по снегу.
Зимний день выжигает глаза.

✂

Жизнь и смерть:
Шаг – и пустота.
Не страшно, что будет там,
Страшно, что «там» – не будет.
Хотелось бы знать...

✂

Хмурое небо плачет дождём,
Мокрые сосны.
Грустно мне...
Кто такой умный додумался
Здесь проводить тренировки?

✂

Огненные бабочки листьев
Покинут тонкие ветки,
Чтобы коснуться осеннего неба.
Но дорожная пыль перепачкает
Ослабевшие крылья.

Солнце никогда не крадётся,
 прожигая собой дыры в стенах –
 оно падает на город всё и сразу.
 Тогда дом становится кораблём.
 С которого – только вплавь,
 отгребая руками разлитый по улицам воздух.
 Когда оказываешься возле цветущей липы,
 расплавленный воздух стекает с веток
 крупными медовыми каплями,
 хоть клади его в чай полными ложками.
 Бабочки проносятся мимо на всех парусах.
 Для них – другой океан,
 мягко поддерживающий под крылья,
 плыви и не падай.
 Белые одежды, как бабочкины крылья,
 украшены безнадёжно-чёрными прожилками.
 Когда солнце опрокидывается на голову,
 не стоит рисовать тающей тушью
 даже собственные глаза.
 На палубе подоконника остывает зелёный чай,
 и в нём, как в расплавленном воздухе,
 растворяется ложка тягучего летнего солнца.

✧

Никогда не писала о любви, но знаю,
 что чай, налитый только в одну чашку,
 отдаёт пыльным запахом пустоты.
 За окном остывает недавно пылавшее лето,
 и лепестки угасающей розы падают на землю,
 тяжёлые, как отчаяние.
 И отчаянно мёрзнут руки, которые некому согреть,
 и в них покрывается инеем
 непобедимая железная роза.

Тем временем в нескольких сотнях шагов – никогда не считала,
 достаточно того, что ноги сами запомнили, –
 неспящее окно мерцает сквозь ветки,
 как будто в них запутался осколок луны.
 Полночная флейта дрожит в замерзающих пальцах,
 которым согреть некого,
 только ветки за окном остывающий воздух вбирают в себя.
 Воину не пристало плакать, и ты это знаешь,
 но только сбивается песня – такой я её услышу во сне.
 Прости, никогда не писала тебе о любви.

НА МОИХ ЧАСАХ ВСЕГДА ЗИМНЕЕ ВРЕМЯ

На моих часах всегда зимнее время,
Как у всех живущих там,
Где зима отворачивается лишь ненадолго.
Плавное время облаков, прижимающихся к земле,
Чтобы превратиться в бесконечные снегопады,
Заглушающие любой звук.
Моё медленное время не струится песком –
Долгий танец снежинок ведёт отсчёт.
Длинные колонны машин,
Окутанные дымом, паром,
Может, зимним облаком,
Двигаются тяжёлой танковой поступью,
Вязнут в океане снега,
Который не делает различия для дорог и домов,
Вязнет в океане застывшего времени,
Не делающего различия ни для кого.

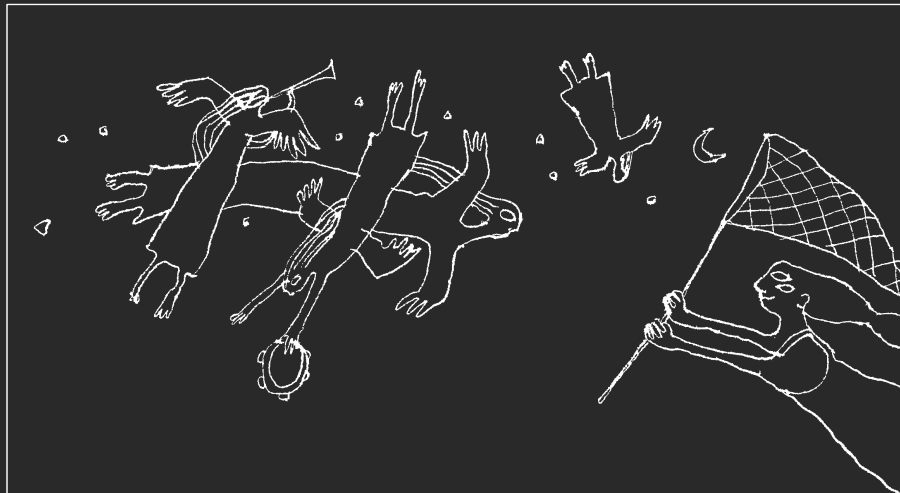
В большом городе, говорят, время ускоряется,
Становится обжигающим вихрем пустыни,
Обманывая сверкающим золотом –
Оазис ли, гробница ли фараона, –
И ты пытаешься угнаться за ним,
Охотишься за ускользящим,
Ревёт разъярённой львицей гоночная машина,
Купленная для другого времени,
И вот ты уже вгрызаешься в добычу
И не успеваешь заметить, как золото превращается в песок,
Вихрь, иссушающий, лишаящий жизни,
Не отпустит никого.

Напрасно пыталась я угнаться,
Ускоряя своё внутреннее время,
Острые снежинки, летящие по ветру,
Способны ранить, но не подхватить с собой.
Сталкиваясь с пылающим ветром,
Снежинки становятся крупными каплями
Безупречной формы,
И каждая из минут длится столько,
Чтобы успеть рассмотреть, в чём величие капли дождя.
Не были опалены
Мои ресницы, распушившиеся инеем,
Делающие мягче всё то, что увижу.
Не охочусь, но странствую, проваливаясь в снег,
Неся замёрзшее время в замёрзших руках,
То и дело останавливаясь,
Чтобы собрать в него –
Застывшую каплю правильной формы,
В почти хрустальный шар, отражающий и прошлое, и будущее, –
Ещё один отсвет зимнего солнца,
Лишь на мгновение показавшегося.
Зимнее солнце – это всё, за чем я успеваю угнаться,

Ведь не в моём возрасте
Размышлять о величии капли дождя –
Пора становиться чем-то великим,
Но я упустила, когда остановилась в тысячу первый раз
Смотреть, как снежинки перетекают
В сугробы из опрокинутых облаков,
Словно из одной чаши в другую –
Чаши снежных часов.
Тех самых снежных часов,
На которых для меня всегда зимнее время.
На моих часах всегда без пяти
Лет.

✧

Я люблю веснушки, которых у меня нет.
И самый прекрасный способ любоваться ими –
когда я рядом с тобой.
Стараюсь не дышать, чтобы случайно не смахнуть
золотые песчинки, заносящие белый мрамор на ступенях забытого храма,
не нарушить тонкого песчаного блеска,
ни от голоса, ни от вздоха не содрогнётся священное безмолвие.
Я люблю весь мир, от летящей бабочки, замирающей в разогретом воздухе, –
до космической станции, слушающей неземные голоса.
Но всё это растворяется в моей любви к тебе,
словно золотистые песчинки в толще мирового океана.
Великое всегда есть в малом,
и треск бабочкиного кокона – тоже взрыв сверхновой.
Скажи, каково тебе носить на коже
карту тысячи забытых созвездий?
Скажи, каково мне видеть всю вселенную
в одном единственном тебе?!

Графика Ольги Помяткиной